

IN MEMORIAM

ПАМЯТИ ЮРИЯ ЮРЬЕВИЧА КАРПОВА: КОЛЛЕГИ О ДРУГЕ И УЧИТЕЛЕ

Ю.М. Ботяков

С Ю.Ю. Карповым я познакомился в 1981 г., когда он, аспирант Л.И. Лаврова, работал над своей диссертацией в отделе Средней Азии, Кавказа и Казахстана. Как и у всех коллег, у меня остались воспоминания о человеке, с которым мы проработали долгие годы в одном отделе. Некоторыми из них, быть может не столь значительными, но, как мне кажется, важными в понимании сути этого человека, мне хотелось бы поделиться.

В связи с уходом из жизни Л.И. Лаврова Юрию Юрьевичу пришлось заканчивать свою работу под руководством В.К. Гарданова. Вспоминая о работе с ним, Ю.Ю. Карпов рассказывал следующий эпизод. Отдав свою рукопись на прочтение, он получил ее, испещренную пометками. В первый момент, смеялся Карпов, это задело мое самолюбие, но затем я оценил кропотливый труд, проделанный для моей пользы этим человеком, внимательнейшим образом проработавшим мой текст. В дальнейшем подобный стиль работы стал характерным и для самого Ю.Ю. Карпова: многочисленные тексты диссертаций, приходивших из различных регионов Кавказа, прорабатывались им самым добросовестным образом.

Еще один эпизод, говорящей уже о его научной чистоплотности: став, по сути, первым исследователем дагестанского праздника Игби, Юрий Юрьевич всегда подчеркивал, что его внимание к нему привлек А.И. Азаров, с которым он совершил одну из своих экспедиций в аул Шаитли. Лично мне пришлось совершить лишь одну совместную экспедицию, в которой я отметил такую характерную для Ю.Ю. Карпова особенность проведения полевых исследований: по окончании работы на месте, где уже были установлены контакты с людьми и налажен быт, он обычно ехал дальше, максимально используя время для сбора материала.

Еще одна примечательная деталь, связанная с моим личным опытом. Придя в отдел Кавказа из отдела Средней Азии, я сразу же получил от Юрия Юрьевича подарок: именно он предложил мне разработку темы «абреки». К тому времени он уже завершал свою книгу «Джигит и волк», и разработка темы, связанной с абречеством, могла стать логическим продолжением этого труда. Как руководить отделом Ю.Ю. Карпов всегда думал о коллегам,

работающих рядом с ним. И последнее, на что я хотел бы обратить внимание, – это его особенность радоваться успехам других как своим собственным.

М. С.-Г. Албогачиева

Одни люди появляются в нашей жизни и исчезают, но есть личности, которые оставляют после себя яркий и незабываемый след. К числу последних относится Ю.Ю. Карпов. Наше знакомство состоялось в мае 2000 г. на Лавровских чтениях в Кунсткамере. На тот период жизни я имела базовое педагогическое образование и работала над сбором материала по генеалогии своей семьи и истории ингушского народа. Но это были изыскания не профессионального исследователя, а просто любителя. Юрий Юрьевич проявил живой интерес к моей персоне и к тому, что я делаю на этом поприще. Он рассказал мне о своей экспедиционной поездке в Ингушетию и о привезенных им фотоматериалах, которые заняли достойное место в фотоиллюстративных коллекциях МАЭ. Он тепло отзывался о своей поездке и делился своими впечатлениями об увиденном и услышанном. Возможно, эти впечатления в какой-то мере и способствовали тому, что я стала соискателем и позже сотрудником отдела этнографии Кавказа, которым он руководил.

Все последующие годы мне довелось быть свидетелем того, как он бескорыстно помогал и направлял в нужное русло всех исследователей, которые обращались к нему как к известному кавказоведу. И что примечательно, он со всеми людьми был одинаково приветлив и любезен, независимо от социального и интеллектуального уровня собеседника. Он был готов помочь любому нуждающемуся в этом.

Юрий Юрьевич был отличный полевик, он оставил после себя множество книг и статей, написанных с привлечением экспедиционных материалов. В последние годы наряду с полевыми исследованиями он стал активно заниматься поиском архивных материалов, касающихся государственного строительства в 20–30-е годы прошлого столетия. Он привозил очень много архивных материалов, с которыми работал сам и щедро делился с коллегами. Каждый исследователь, работавший в архивах, знает

насколько это трудоемкая и кропотливая работа, но ему были чужды такие качества, как жадность, корысть. Карпов относился к такой категории руководителей, которые меньше всего заботятся о личном благе и саморекламе. И больше всего — о людях, с которыми работают и живут.

За весь период времени, проведенный в этом коллективе, мне довелось увидеть только его самые лучшие человеческие качества — доброту, требовательность, такт, чуткость, сострадание. Благодаря этим качествам ему удалось открыть новых кавказоведов, которые успешно трудятся на благо отечественного кавказоведения.

Е.Л. Капустина

Юрий Юрьевич, как и подобает хорошему этнографу, много работал в поле. Большая часть его полевых выездов пришлась на Дагестан. Он начал работать там еще в 1981 г., достаточно регулярно выезжал в Дагестан на протяжении всех 1980-х годов, но в 1990-е годы, когда и северокавказский регион, и академические институты переживали непростые времена, поездки свелись к минимуму. В начале века опять появилась такая возможность, и в 2003 г. Юрий Юрьевич опять возвращается к практике ежегодных полевых выездов в республику. С 2004 по 2009 г. мне повезло ездить в Дагестан вместе с ним.

Органичное сочетание внимательности, доброжелательности и уважения к информантам, на мой взгляд, отличало стиль его полевой работы. При этом он не перегибал палку: не играл в нарочитое панибратство с информантами, сохраняя небольшую, но все же дистанцию. Карпов мог разговаривать с любым информантом на равных, не впадая в восторженное заискивание и одновременно не позволяя себе ни малейшей тени снобизма и «взгляда свысока». Интеллигентный стиль работы подкупал людей, и разговоры даже с теми, кто изначально не был готов давать интервью, всегда удавались. Многие, узнав от меня (Юрий Юрьевич никогда не бравировал должностями и регалиями), что перед ними доктор наук и автор множества монографий, всегда удивлялись его скромности и интеллигентности, неизменно повторяя «настоящий ленинградец!»

Он не навязывал свой стиль ведения интервью, не настаивал на исповедовании его теоретических позиций в работе. Но он настойчиво призывал к чуткости и уважению к той культуре, в которой приходится работать. Ему было важно не только понять — как устроено общество и какие винтики какую роль играют в этом сложном механизме. Не меньше он ценил возможность научиться любить эту культуру и главным образом людей, ее носителей. Любить и не быть высокомерным, а смотреть во все глаза, удивляться каждой мелочи и бесконечно задавать себе вопросы — почему так, откуда это здесь. Например, бродя по улочкам Махачкалы, он обращал мое внимание на знаменитые пристройки к многоквартирным домам, а также привычку махачкалинцев называть квартиру «секцией» и задавал сам себе вопрос, почему они так распространились тут, нет ли здесь какой-то связи с культурной спецификой региона, с этнографическими реалиями Дагестана сельского. И в результате он предложил в качестве интерпретации идею родства пристроек с системой организации традиционного горского селения, где дома, расположенные вплотную друг к другу, образуют единый монолит, где каждый дом является лишь частью общего архитектурного и социального элемента. Увидеть в повседневности очередную культурную загадку, быть чутким ко всем мелочам, но при этом не ограничиваться смакованием незначительных деталей и через них переходить к более серьезным обобщениям — вот то качество, которое он ценил в исследователях и которым, несомненно, обладал сам.

Юрий Юрьевич не просто изучал Дагестан — он его, безусловно, любил и считал своим. Настолько, что мог сокрушаться, если видел какие-то черты культурного упадка в обществе, поскольку не мог относиться ко всему происходящему равнодушно. Но при этом он умел удержать личные эмоции на задний план и сосредоточиться на работе, понять и попытаться принять то, что по-человечески не очень нравилось, но привлекало его как исследователя. И да, он продолжал любить Дагестан, удивляться и восхищаться им, несмотря ни на что. И эта любовь и принятие были, безусловно, взаимны. Его любили и любят в горах, им восхищаются и ему благодарны за его труды и за его искреннюю симпатию к Стране гор, его учеников с легкой руки местного журна-

листа некоторые звали «карпятами». И на его уход Дагестан откликнулся шквалом звонков и писем с соболезнованиями и эмоциональными сожалениями об утрате того, кто так чутко и профессионально изучал, так тонко понял и так просто и ясно рассказал про социокультурные феномены этого яркого и сложного региона.

«Мы так благодарны ему, мы многое узнали про себя и свою культуру из его книг», — мне часто приходится слышать такие отзывы дагестанцев. Это не официальные фразы из залов и кабинетов, а простые и искренние слова людей, живущих в горах и на равнине, в селах и городах, всех, кто помнит его, разговоры с ним, кто читает его книги и вдохновляется ими, кто благодарен ему за его работу. Эта благодарность, наверное, лучшая регалия, лучший орден, который может получить этнограф в той среде, которую изучает. Горцы, на которых взглянул Юрий Карпов и о которых рассказал и им самим, и всем прочим, обладают хорошей памятью. Пусть она будет ему вечным памятником и вечным образцом для подражания последующим поколениям исследователей.

С.А. Штырков

Юрий Юрьевич привел меня в отдел этнографии Кавказа и в кавказоведение — страну, в которой он жил и которой, пожалуй, владел. В течение почти пятнадцати лет мы работали в одном отделе, объединенные рутинной заполнением планов и написания полных торжества отчетов. Признаюсь, все это время мне редко приходилось задумываться о масштабе личности Ю.Ю. Карпова. Он был моим начальником и коллегой, и единственное, что мне казалось в нем необычным, — это его работоспособность, которой я дивился и завидовал.

Однако, приезжая на Кавказ, я начинал понимать, с кем меня довелось работать в одном кабинете. Много раз в разговорах с коллегами, называя место своей службы, я слышал в ответ: «Так Вы с Карповым работаете! Как Вам повезло». Карпова знали абсолютно все, кто имел хоть какое-то отношение к изучению истории и культуры Кавказа. Его ценили, им восхищались. Лучшим подарком, который я мог привезти из Петербурга, были книги,

написанные Юрием Юрьевичем, тиражи которых давно разошлись. Хорошо помню, как во Владикавказе я услышал слова, полные одновременно удивления и пиетета: «Карпов понял нас, кавказцев, лучше нас самих». Как будто речь шла о чуде творения. Теперь я понимаю, насколько правдивыми было это замечание, оброненное, кстати говоря, в разговоре о том, что книги Юрия Юрьевича нельзя в институте оставлять без присмотра — обязательно кто-нибудь присвоит.

Е.Ю. Захарова

Будучи руководителем коллектива исследователей, имеющих разные интересы и, по сути, принадлежащих к разным школам, Ю.Ю. Карпов признавал право на существование любых тем и подходов, независимо от того, близки они были ему или нет. Он никогда не пытался повлиять на исследования коллег, но всегда был готов посоветовать литературу, материалы или дать контакты, сам предлагал такого рода помощь.

Он был авторитетом и во многом ориентиром и образцом для подражания для многих своих коллег, вдохновил к изучению Кавказа не одного начинающего исследователя.

Скрупулезно выверяя фактическую и аналитическую составляющие исследования, Ю.Ю. Карпов уделял особое внимание и его форме. В работе этнографа, в создании текста для него была важна литературная, писательская составляющая, он рассказывал, что часто тратит непропорционально большое время на поиск нужного слова или оборота, нередко даже предлагал коллегам оценить тот или иной вариант формулировки.

Его работы, изобилующие объемными цитатами и множеством ссылок, не предлагающие однозначных ответов или броских фактов, далекие от научно-популярного жанра, оказываются в роли настольных книг, в том числе и у читателей, не связанных с академическим миром. Тексты Ю.Ю. Карпова как бы исподволь, страница за страницей выписывают сдержанную красоту мира Кавказа, его ненарочитую поэтику, умение увидеть и показать которую — неоспоримая заслуга Ю.Ю. Карпова как писателя.

Ю.Ю. Карпов справедливо считал, что для того, чтобы писать о том или ином регионе Кавказа, необходимо представлять себе

весь спектр многообразия и в то же время единства этой горы языков и культур. Он одинаково хорошо ориентировался и в полевых реалиях региона, и в архивных и иных исторических источниках, являя собой образцовый пример исследователя российской этнографической школы, традиции которой были заложены В. Богоразом и Л. Штернбергом. Свобода скольжения как по диахронному, так и по синхронному срезу изучаемой культуры и общества придает его исследованиям глубину, которая может служить ориентиром для социальных исследователей сегодня и в будущем.